

Научная статья

УДК 81'371

doi: 10.17223/19986645/75/5

Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе»

**Манаткуль Шаяхметовна Мусатаева¹,
Ирина Васильевна Котлярова²**

^{1, 2} *Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан*

¹ *mussatayeva@mail.ru*

² *kotlyarova_1984@mail.ru*

Аннотация. Проводится реконструкция эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» на материале лексикографических источников, а также текстов Национального корпуса русского языка. Построены семантические константы концептов в виде условия, причины и цели. Показана динамика страдания человека: от типично русского переживания легкой грусти и печали, переходящей в тоску, до вселенского горя, причиной которого являются беда и несчастье, что отмечается в отличительных признаках и в истории слов.

Ключевые слова: концепт, концептум, концептуальный квадрат, сема, семантическая константа, семантический признак

Для цитирования: Мусатаева М.Ш., Котлярова И.В. Моделирование эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 94–119. doi: 10.17223/19986645/75/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/75/5

Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief

Manatkul Sh. Mussatayeva¹, Irina V. Kotlyarova²

^{1, 2} *Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan*

¹ *mussatayeva@mail.ru*

² *kotlyarova_1984@mail.ru*

Abstract. Despite the presence of a certain number of works on the emotional concepts of anguish, sadness, sorrow, and grief, they need further research since they are key concepts of culture that are nationally unique and culturally significant in the Russian language picture of the world. The constantly growing arsenal of methods of

linguistic research allows taking a new look and filling in the gaps in the study of this problem. The aim of the article is an attempt to reconstruct the concepts of anguish, sadness, sorrow, and grief on the basis of lexicographic sources of various typologies and texts extracted from the main and poetic subcorpora of the Russian National Corpus. The research methods were: conceptual analysis in modeling concepts based on semantic groups of attributes; semantic analysis at the stage of identifying the main seme and determining groups of attributes; comparative analysis of semantic relations; method of quantitative characteristics of data from the National Corpus of Russian, English, German and French Languages. At the first stage, the main semes are identified; the upper points of the concept square are determined (the concept of the cause and the image of the condition); the classification of semantic groups of attributes (typical, symbolic, deep, intense and long) is presented; the content of the concept, as well as its volume, has been recreated by considering adjectival attributes and predicates on the material of the *Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language* and the classical texts of the subcorpora of the Russian National Corpus. At the second stage, the semantic constants of the emotional concepts “anguish”, “sadness”, “sorrow”, “grief” are constructed as conditions, causes and purposes through the results of a network of semantic relations. At the third stage, using etymological research the conceptum is constructed (constant signs of concepts are identified): “anguish” – constraint of the spirit, excitement and anxiety; “sadness” – contrition, sorrow; “sorrow” – care, concern; “grief” – misfortune, unhappiness. A conclusion is made about the dynamics of manifestation of mental suffering of a Russian person, the degree, depth and nature of emotions. The description of emotional concepts demonstrates the successive development of emotion: from a typical Russian experience of mild sadness and sorrow, turning into anguish, to universal grief, the cause of which is misfortune and unhappiness, which is noted in the distinctive features and in the history of the development of words. It seems that the results of the study will contribute to a significant expansion of the traditional idea of emotional concepts and make a certain contribution to the study of the Russian conceptsphere.

Keywords: concept, conceptum, concept square, seme, semantic constant, semantic attribute

For citation: Mussatayeva, M.Sh. & Kotlyarova, I.V. (2022) Modeling emotional concepts: Anguish, sadness, sorrow, grief. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 94–119. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/5

На современном этапе развития лингвокогнитологии и лингвоконцептологии актуальными являются исследования внутреннего мира человека. «Тоска», «грусть», «печаль» и «горе» – концепты из класса психических (духовных) концептов эмоций, которые формируют концепты внутреннего мира человека. Выбор в качестве объекта исследования концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» обусловлен их культурологической значимостью в русской картине мира. Национальную уникальность концептов отмечают В.Н. Базылев [1. С. 161–171], Р.М. Валиева [2. С. 67–71], А.Ш. Васькова [3. С. 48–50], А. Вежицкая [4. С. 33–37], [5. С. 503–525], И.Ю. Вертелова [6. С. 228–236], И.А. Волостных [7. Т. 12. С. 534–537], Е.В. Димитрова [8. Т. 1. С. 268–273], И.Г. Заяц [9. С. 959–968], Д.В. Колесова [10. С. 75–85], Н.А. Красавский [11. С. 113–118], Л.В. Мальцева [12.

С. 260–270], В.А. Маслова [13. С. 237–241], Е.А. Пименов [14. С. 89–94], С.А. Старостина [15. С. 224–227], Ю.С. Степанов [16], Е.Е. Стефанский [17. С. 329–345], А.Л. Топорков [18. С. 114–120], Е.В. Урысон [19. С. 1165–1170], В.И. Шаховский [20], А.Д. Шмелев [21], [22. С. 25–36], К.В. Шмугурова [23. С. 216–222] и др. А. Вежбицкая противопоставляет эмоциональные концепты «печаль» и «грусть» по линии «объективированности – субъективности», «причинности – беспричинности», «оценочности» и «длительности» [5. С. 503–525]. Е.Е. Стефанский дополняет, подразделяя концепты на основе «идеи личностного и коллективного приоритета»: «тоска», «печаль» – социальное и коллективное, а «грусть» – личностное, субъективное чувство, которое характерно для русского человека [17. С. 329–345]. А.Д. Шмелев подтверждает, что «тоска» несет печать «бескрайних русских пространств», что связано с широтой русской души [22. С. 25–36].

В современной когнитивной лингвистике выделяются основные направления исследования концептов, которые имеют собственные методические установки и представляют научные школы концептуальных исследований:

- лингвокультурологическое – исследование концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями «от языка к культуре» (В.В. Воробьев [24], Ю.С. Степанов [16], С.Г. Воркачев [25] и др.);

- семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов «от семантики языка к концептосфере» (А. Вежбицкая [5. С. 503–525], Е.С. Кубрякова [26], Н.Н. Болдырев [27] и др.);

- психолингвистическое – исследование процессов и механизмов речевой деятельности в ее соотнесенности с системой языка (А.А. Залевская [28], В.В. Красных [29] и др.);

- лингвофилософское – направление, изучающее русскую ментальность не только типологически, но и логически, учитывая национальное мирозерцание, комплексно в единстве психологического и социокультурного на основе синтеза основных признаков концепта, который понимается как инвариант понятия, способный к развитию во времени «от языка к философии» (В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов [30, 31], В.В. Колесов [32. С. 723–729] и др.).

О принадлежности рассматриваемых концептов к универсальным, базовым, присущим носителям разных языков и культур свидетельствуют научные исследования: базовые человеческие эмоции «тоска», «грусть», «печаль», «гнев» на материале английского языка [5. С. 503–525]; константы русской культуры – от слова-вещи к познанию идеи как цели [16]; диахронический логико-концептуальный, лингвофилософский анализ русской ментальности [30, 31].

Изучение универсальных концептов, безусловно содержащих в каждом национальном языке культурный компонент, вызывает большой исследовательский интерес. Приведем ряд работ, подтверждающих актуальность

данной проблемы. В сопоставительном аспекте рассматриваются: концепты «радость», «горе», «страх» в русском и башкирском языках [2. С. 67–71]; концепт «тоска» в русском и французском языках [8. Т. 1. С. 268–273]; концепты «тоска», «грусть», «печаль» в русской, польской и чешской языковой картине мира [17. С. 329–345] и др.; в художественной картине мира – концепт «тоска»: в лирике М.И. Цветаевой [15. С. 224–227]; на материале произведений И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского [23. С. 216–222] и др.; в лингвокультурологическом аспекте – концепт «горе» в русской культуре [1. С. 161–171]; концепты «страх», «печаль» в русской и французской лингвокультуре [7. Т. 12. С. 534–537]; концепт «тоска» в татарской лингвокультуре [3. С. 48–50].

В данной статье делается попытка реконструкции семантических констант, конструирование концептумов – последовательное выявление специфики признаков каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», входящих в класс психических (духовных) концептов, связанных общностью эмоции переживания страдания в русском языковом сознании. Моделирование концептов осуществляется на материале лексикографических источников различной типологии, а также текстов, извлеченных из основного и поэтического подкорпусов Национального корпуса русского языка. Для достижения поставленной цели (реконструкции) реализуются такие задачи, как выявление основных сем на уровне концептуального квадрата; осуществление классификации семантических групп признаков (типичные, символические, глубинные, интенсивные и длительные); воссоздание содержания рассматриваемых концептов посредством анализа определений-прилагательных и предикатов на уровне текста; установление констант эмоциональных концептов (условия, причины и цели) с помощью сети семантических отношений.

Уровень концептуального квадрата

Материал толковых словарей позволяет выявить основные *семы* лексем *тоска*, *грусть*, *печаль* и *горе*:

Лексема *тоска* имеет 7 сем: ‘стеснение’ – духовное (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385], ‘чувство’ – тяжелое гнетущее (внешний признак) [34. Т. 4. С. 389; 35. С. 1104], ‘томление’ – душевное (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876], ‘тревога’ – душевная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 35. С. 1104; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876; 38. С. 803], ‘грусть’ – мучительная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385; 36. Т. 15. С. 705; 37. С. 3876], ‘скука’ – сильная (внешний признак) [33. Т. 4. С. 385; 34. Т. 4. С. 389; 37. С. 3876; 38. С. 803], ‘нойка’ – сердечная (внутренний признак) [33. Т. 4. С. 385].

Лексема *грусть* включает 2 семы: ‘уныние’ – легкое (внешний признак) [35. С. 197; 37. С. 768; 38. С. 151; 39. Т. 3. С. 447; 40. Т. 1. С. 353], ‘пе-

чаль' – тоскливая (внутренний признак) [35. С. 197; 37. С. 768; 38. С. 151; 39. Т. 3. С. 447; 40. Т. 1. С. 353; 41. Т. 1. С. 355].

Лексема *печаль* содержит 3 семы: 'горечь' – душевная (внутренний признак) [38. С. 514; 42. Т. 9. С. 1128; 43. Т. 3. С. 117], 'боль' – душевная (внутренний признак) [44. Т. 3. С. 96], 'настроение' – скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое (внутренний признак) [35. С. 673; 37. С. 3682].

Лексема *горе* имеет в составе 2 семы: 'страдание' – душевное (внутренний признак) [39. Т. 3. С. 277], 'печаль' – глубокая (внешний признак) [37. С. 762; 38. С. 142; 39. Т. 3. С. 277; 41. Т. 1. С. 334].

Таким образом, лексема *тоска* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [33. Т. 4. С. 385] имеет наибольшее количество сем – 6, а в Словарях русского языка А.П. Евгеньевой [34. Т. 4. С. 389] и Д.Н. Ушакова [37. С. 3876] отмечается 4 семы, в Словаре современного русского литературного языка [36. Т. 15. С. 705] – 3 семы, в Словарях русского языка С.И. Ожегова [38. С. 803] и А.Н. Тихонова [35. С. 1104] – 2 семы.

Лексема *грусть* в Словаре современного русского литературного языка [39. Т. 3. С. 447] и Словарях русского языка А.П. Евгеньевой [40. Т. 1. С. 353], С.И. Ожегова [38. С. 151], А.Н. Тихонова [35. С. 197], Д.Н. Ушакова [37. С. 768] содержит 2 семы за исключением Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля [41. Т. 1. С. 355], в котором выделяется только 1 сема.

У лексемы *печаль* в Словаре современного русского литературного языка [42. Т. 9. С. 1128] и Словарях русского языка В.И. Даля [44. Т. 3. С. 96], А.П. Евгеньевой [43. Т. 3. С. 117], С.И. Ожегова [38. С. 514], А.Н. Тихонова [35. С. 673], Д.Н. Ушакова [37. С. 3682] наблюдается по 1 семе.

Лексема *горе* в Словаре современного русского литературного языка [39. Т. 3. С. 277] имеет в составе 2 семы, а в Словарях русского языка В.И. Даля [41. Т. 1. С. 334], С.И. Ожегова [38. С. 142], Д.Н. Ушакова [37. С. 762] по 1 семе.

На основе выявленных сем эмоциональных концептов определяются верхние точки концептуального квадрата: *понятие причины* и *образ условия*. Так, *причинами тоски* выступает духовное стеснение, *грусти* – возникшее чувство, *печали* – то, что вызвало душевную боль и горечь, а *горя* – то, что обусловило душевное страдание и глубокую печаль. *Образами условиями* являются различные чувства и переживания: для *тоски* – душевное томление, тревога, мучительная грусть и сильная скука; для *грусти* – легкое уныние и тоскливая печаль; для *печали* – душевная горечь и боль; для *горя* – душевное страдание и глубокая печаль. Нижние точки концептуального квадрата: *символ цели* и *концептум основания* – будут представлены в процессе дальнейшего исследования.

Уровень текста

На данном этапе исследования опираемся на следующие работы [32, 45]. Как известно, в Словаре эпитетов русского литературного языка отмечается наибольшее количество эпитетов к лексеме **тоска** – 138 [45. С. 185], к лексеме **грусть** – 80 [45. С. 49–50], к лексеме **печаль** – 79 [45. С. 130–131], к лексеме **горе** – 55 [45. С. 48]. Приведенные эпитеты распределяются нами по пяти признакам согласно классификации [32. С. 723–729]. Так, **типичные признаки** – коренные признаки качества, способные образовывать именные сочетания, ср.: *горькая тоска* – *тоска горечи*, *сердечная грусть* – *грусть сердца*, *унылая печаль* – *печаль уныния*, *тоскливое горе* – *горе тоски* и др. **Глубинные признаки** – внешние признаки, которые даются «со стороны», ср.: *адская тоска*, *светлая грусть*, *глубокая печаль*, *великое горе* и др. **Символические признаки** выражают мифологические, религиозные и иные культурные понятия, закрепленные за словом, репрезентантом концепта: *зеленая тоска*, *желтая грусть*, *светлая печаль*, *темное горе*. **Интенсивные признаки** являются авторскими, метафорически выразительными, но неустойчивыми: *безбрежная тоска*, *сладкая грусть*, *беспросветная печаль*, *лютое горе* и др. **Длительные признаки** представлены определениями *бесконечная*, *вечная*, *долгая*. Последовательное распределение эпитетов позволяет выявить отличительные признаки каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе». Материал классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка способствует воссозданию содержания рассматриваемых концептов посредством анализа определений-прилагательных и предикатов с последующим построением семантических констант.

Семантические признаки слова **тоска**

Типичные признаки (13): *горькая*, *душевная*, *жгучая*, *жестокая*, *ноющая*, *острая*, *сердечная*, *смертельная*, *смертная* (разг.), *томительная*, *тоскливая*, *тревожная*, *унылая*.

Символические признаки (4): *зеленая* (разг.), *серая*, *темная*, *черная*.

Глубинные признаки (30): *адская* (разг.), *бездонная*, *боязливая*, *вавилонская*, *великая*, *внутренняя*, *глубокая*, *глухая*, *гнетущая*, *громадная*, *давящая*, *затаенная*, *ледяная*, *мертвая*, *мрачная*, *мутная*, *немая*, *низменная*, *нутряная* (разг.), *себябуряющая*, *серая*, *слепая*, *суеверная*, *тайная*, *темная*, *тупая*, *угрюмая*, *хладная* (устар.), *холодная*, *черная*.

Интенсивные признаки (94): *адская* (разг.), *безбрежная*, *безвыходная*, *безграничная*, *беззвездная*, *безмерная*, *безмолвная*, *безнадежная*, *безотрадная*, *безотчетная*, *безрадостная*, *безумная*, *безутешная*, *безысходная*, *бесплодная*, *беспокойная*, *беспощадная*, *беспредельная*, *беспредметная*, *беспричинная*, *беспросветная*, *бессильная*, *бешеная*, *веселая*, *виолончельная*, *волоокая*, *волчья*, *волибная*, *грызущая*, *дикая* (разг.), *дорожная*, *жгучая*, *железная*, *жестокая*, *животная*, *журавлиная*, *жуткая*, *застарелая*, *зверинная*, *зеленая* (разг.), *злая*, *злобная*, *зловещая*, *канцелярская*, *коровья*, *лихорадочная*, *лютая*, *молчаливая*, *мучительная*, *мушинная*, *мятежная*

(устар. поэт.), невыносимая, невыразимая, неизбывная, неизлечимая, неизъяснимая, неистребимая, неоторимая, необъятная, неодолимая, неопределенная, неотвязная, непереносимая, непереносная (прост.), непрестанная, несказанная (разг.), нестерпимая, неукротимая, неутешная, неутолимая, неясная, отчаянная, пасмурная, пронзительная, ревнивая, свинцовая, сильная, сладкая, собачья (разг.), странная, страшная, счастливая, тихая, тяжелая, тяжкая, убийственная, удалая, цепенящая, чарующая, черная, чугунная, щемящая, ядовитая, язвительная (устар.).

Длительные признаки (5): бесконечная, вековая, вечная, вседневная (устар.), непроходящая.

Семантические признаки слова грусть.

Типичные признаки (7): горькая, острая, сердечная, томная, тоскливая, тревожная, унылая.

Символические признаки (3): желтая, светлая, темная.

Глубинные признаки (20): глубокая, глухая, гнетущая, горячая, желтая, задумчивая, затаенная, мечтательная, мрачная, немая, погребальная, робкая, светлая, смутная, сокровенная, сумрачная, тайная, темная, теплая, угрюмая.

Интенсивные признаки (50): безбрежная, безграничная, безмолвная, безнадежная, безотрадная, безумная, безутешная, безысходная, березовая, беспричинная, бессильная, едкая, живая, злая, золоторунная, легкая, лихоманная, мертвящая, молчаливая, неведомая, невыразимая, невысказанная, неизлечимая, неизъяснимая, неоторимая, неопределенная, неотвязная, непонятная, непреодолимая, неутешная, отрадная, поэтическая, радостная, разъедающая, расплывчатая, ревнивая, серебряная, сладкая, соломенная, спокойная, старческая, стихийная, странная, суровая, счастливая, тихая, торжественная, тяжелая, щемящая, эгегическая.

Длительные признаки (3): бесконечная, весенняя, вечерняя.

Семантические признаки слова печаль.

Типичные признаки (8): горькая, жгучая, жестокая, острая, сердечная, томная (устар.), тоскующая, унылая.

Символические признаки (2): светлая, черная (нар.-поэт.).

Глубинные признаки (19): большая, великая, глубокая, глухая, гнетущая, жаркая, затаенная, немая, подавленная, потаенная, светлая, святая, скрытая, таинственная, тайная, тусклая, угрюмая, холодная, черная (нар.-поэт.).

Интенсивные признаки (48): ангельская, безвыходная, беззаботная, беззащитная, безмолвная, безнадежная, безотрадная, безотчетная, безутешная, безысходная, беспредельная, беспросветная, болтливая, всесветная (устар. поэт.), едкая, злая, итальянская, кроткая, кукушечья, легкая, молчаливая, мужественная, невыносимая, неизбывная, неизлечимая, неизъяснимая, неотвязная, неутешная, отчаянная (разг.), плакучая (устар.), ревнивая (устар.), сильная, сиротская, сладкая, сладостная, спокойная, странная, страстная, страшная (разг.), суровая, тацитовская, терпкая, тихая, тяжелая, тяжкая (устар. поэт.), ужасная (разг.), укоряющая, щемящая.

Длительные признаки (4): бесконечная, бессменная, долгая, мгновенная.

Семантические признаки слова *горе*.

Типичные признаки (4): горькое (нар.-поэт.), жгучее, острое, тоскливое.

Символические признаки (1): темное.

Глубинные признаки (8): большое, великое, глубокое, глухое, гнетущее, огромное, темное, тупое.

Интенсивные признаки (39): безмерное, безнадежное, безутешное, безысходное, беспросветное, бессловесное, вселенское, дикое (разг.), едкое, живое, застарелое, зипунное, злое, крутое, людское, лютное (нар.-поэт.), народное, национальное, невыразимое, негаданное, нежданное, незаживающее, неизбывное, неизмеримое, неисходное (устар.), неожиданное, неумное, неумолимое, неусыльное, неутешное, отчаянное (устар.), сиротливое, сладкое, страшное, тяжелое, тяжкое, ужасное, человеческое, человечье.

Длительные признаки (4): будничное, вечное, ежедневное, непрерывное.

Сравнительный анализ семантических признаков слов *тоска*, *грусть*, *печаль*, *горе* позволяет заключить, что интенсивных признаков наблюдается больше всего, что указывает на их способность к развитию в тексте поэтов и писателей. Типичных и символических признаков установлено значительно меньше, чем глубинных, так как типичные и символические признаки исходят из самого отвлеченного предмета, раскрывают символ, выражают его свойства, а глубинные привносятся извне.

Проверим достоверность распределения признаков эмоциональных концептов посредством проведения сопоставительного анализа с английским, немецким и французским языками.

В английском языке *тоска* – *anguish*, *грусть*, *печаль* и *горе* не различаются, так как имеют общее наименование: *грусть*, *печаль* выступают как *sadness*, так и *sorrow*, а *печаль*, *горе* одновременно как *sorrow* и *grief*. *Тоска* – *anguish* является сильным, интенсивным и продолжительным чувством. *Грусть*, как *sadness*, возникает без видимой причины, поверхностна, вне времени, а *печаль*, как *sorrow* и *grief*, имеет причину, глубинна, отрицательно оценивается, продолжительна во времени. Глубокая печаль в связи с утратой называется *горем* [5. С. 503–525].

В немецком языке *тоска* определяется именем – *die Schwermut*, *грусть*, *печаль* одинаково как *die Traurigkeit*, а *горе* именами *der Gram*, *der Kummer*. Оттенки угнетенного душевного состояния тоски передают наименования: *die Sehnsucht* – тяга-тоска, *das Heimweh* – тоска по Родине, *Fernweh* – тоска по дали, *der Depression* – подавленное состояние. Степень проявления признака печали выражают номинанты: *der Trauer* – нейтральное состояние печали; *das Unglück* – интенсивное состояние печали, вызванное негативными событиями; *die Enttäuschung* – легкое состояние печали, вызванное не сбывшимися ожиданиями и не достигнутыми целями; *der Bedrucktheit* – длительное состояние глубокой печали; *die Sorge* – состояние печали, имеющее внешнюю выраженность. Наблюдается каузальность – закономерная связь причины и действия [11. С. 113–118; 14. S. 89–94].

Во французском языке эмотивные *смыслы тоски* раскрывают эквиваленты: *angoisse*, *anxiété* (*тоска*) – чувство беспокойства, тревоги, порождаемое ожиданием опасности; *nostalgie*, *mal du pays* – тоска по Родине; *nostalgie d'êtres chers* – тоска по любимым, близким; *tristesse* (*грусть*, *печаль*) – тяжелое и продолжительное состояние, переживание, которое не позволяет радоваться; *chagrin* (*печаль*, *горе*) – душевное переживание, огорчение, имеющее причину; *amertume*, *détresse* – *горе*, *горечь*; *regret* – сожаление об утраченном; *douleur* – страдание; *langueur*, *tourment* – томление; *abattement*, *mélancolie* – уныние; *spleen* – хандра; *ennui* – скука, неприятность, досада. Эквиваленты передают различные семантические признаки тоски: качество, интенсивность, оценку, причину, действие, следствие [7. Т. 12. С. 534–537; 8. Т. 1. С. 268–273].

Таким образом, сопоставительный анализ английского, немецкого и французского языков подтверждает распределение признаков эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль» и «горе». По данным Национальных корпусов русского, английского, немецкого и французского языков [46–49], частотность употребления имен анализируемых концептов можно представить следующим образом в таблице.

Так, для русской, английской и немецкой ментальности наиболее характерным является имя концепта *горе*, а для французской в равной степени *грусть*, *печаль*, имеющие общее название *tristesse*.

Частотность употребления имен концептов «тоска», «грусть», «печаль» и «горе» в русском, английском, немецком и французском языках

Языки	Имена концептов			
	Тоска/Anguish/ Schwermut/ Angoisse	Грусть/Sadness/ Traurigkeit/ Tristesse	Печаль/Sorrow/ Traurigkeit/ Tristesse	Grief/Grief/ Gram, Kummer/ Chagrin
Русский	8942	3717	5363	21846
Английский	399	346	654	730
Немецкий	141	216	216	679
Французский	229	235	235	110

Поскольку данная статья построена на материале русского языка, объем и содержание рассматриваемых концептов определяем на основании классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка посредством анализа определений-прилагательных и предикатов [46]:

– слово *тоска* имеет 7 066 употреблений в основном подкорпусе: 804 – в XXI в., 4 342 – в XX в., 1 889 – в XIX в., 31 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 1 876 употреблений: 3 – в XXI в., 1 279 – в XX в., 556 – в XIX в., 38 – в XVIII в.;

– слово *грусть* используется 2 497 раз в основном подкорпусе: 252 – в XXI в., 1 356 – в XX в., 863 – в XIX в., 26 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 1 220 раз: 2 – в XXI в., 718 – в XX в., 417 – в XIX в., 83 – в XVIII в.;

– слово **печаль** имеет 3 333 обращений в основном подкорпусе: 425 – в XXI в., 1 855 – в XX в., 817 – в XIX в., 236 – в XVIII в.; в поэтическом подкорпусе – 2 030 обращений: 4 – в XXI в., 1 144 – в XX в., 729 – в XIX в., 153 – в XVIII в.;

– слово **горе** употребляется 18 232 раза в основном подкорпусе: 1 976 – в XXI в., 9 782 – в XX в., 6 190 – в XIX в., 275 – в XVIII в., 9 – в XVII в.; в поэтическом подкорпусе – 3 614 раз: 15 – в XXI в., 1 878 – в XX в., 1 610 – в XIX в., 111 – в XVIII в.

Сопоставительный анализ семантических признаков показывает, что только концепты «тоска» и «горе» отмечаются как **вечные**: **тоска вечная** – 25 употреблений в основном, 12 в поэтическом подкорпусе; **горе вечное** – 10 употреблений в основном, 11 в поэтическом подкорпусе, согласно Национальному корпусу русского языка [46]:

(1) **тоска вечная**: *Ты проходишь своей дорогою, И руки твоей я не трогаю. Но тоска во мне – слишком вечная, Чтоб была ты мне – первой встречною* (М.И. Цветаева. Подруга. 1915); *Под пеньем строф, под мыслью знающих Сереет Вечная Тоска* (С.Д. Кржижановский. Книжная закладка. 1911–1918); *Созерцаю ли звезды над бездной С человеческой вечной тоской...* (Н.М. Рубцов. Мачты. 1964); *Город, город! Мне уродства твои понятны, Сердце мое сжимается от вечной тоски* (В.И. Горянский. Лавочка сладостей. 1915);

(2) **горе вечное**: *Жизнь – не правда ли? – вечное горе!* (Л.Н. Трефолев. Пытка. 1866–1889); *Не замает поток долгих лет мое вечное, тихое горе* (А. Белый. Багряница в терниях. 1903); *Дания! Помнит ли ныне твое вечно серое море Про всемирное, вечное горе, Про глухие страдания Принца печального, в черном берете, со шпагой?* (С.М. Соловьев. И.С. Щукину. 1906).

Только концепт «тоска» обладает двухвекторным направлением: вверх – высший мир и вниз – в низший мир. Обращение к высшему миру – это **тоска по раю, волшебная, чарующая**:

(3) **Тоска по Раю** – это мечта человека не быть человеком (М. Кундера. Невыносимая легкость бытия. 1984); *Мою печаль ты пил в лучах полных, мой тайный лик провидел на кресте, искал в любви восторгов непорочных, служил невоплотимой красоте, ты был рожден (мои безумны дети!) с тоской волшебной по иной планете!* (Эллис (Л.Л. Кобылинский). Мария. 1905–1913); *Жизнь – обман с чарующей тоскою, Оттого так и сильна она, Что своею грубою рукою Роковые пишет письма* (С.А. Есенин. Жизнь – обман с чарующей тоскою... 1925).

Низший мир представлен **адской, мертвой тоской**:

(4) *Холод снега, Ад тоски, И красива, и могуча, Лира Ваша так печальна, Уводящая в пески* (Н.С. Гумилев. Акростих. 1909–1910); *Земец уехал в Петербург «освежиться», потолковать, узнать – «что же наконец?» – и вообще «нет ли чего новенького», так как там у них, на дне земской жизни, адская тоска, суета бессмысленная, мракобесие, хищничество и вообще «нечем дышать»* (Г.И. Успенский. Кой про что. 1885); *Белозубый рот его был оскален мучительно, как в агонии, в глазах светилась такая*

мертвая тоска, что у Григория сон будто рукой сняло. – Ты чего? – спросил он (М.А. Шолохов. Тихий Дон. 1928–1940).

Тоска описывается как сильная **физическая боль**:

(5) *О, вспомни боль тоски немой, Минут тяжелых испытанье, Покорность в ревности немой, В самом безумии страданья!* (М.А. Лохвицкая. Под звуки вальса. 1892); *Поднял голову немец, глянул на Сашку пустыми, неживыми уже глазами, и предсмертная тоска, шедшая из них, больно хлестнула по Сашиному сердцу...* (В.Л. Кондратьев. Сашка. 1979).

На уровне текста разграничиваем две позиции слова: определение-прилагательное (содержание понятия) перед концептуальным именем и предикат (его объем) после слова. **Признаки физической боли-тоски** выступают в роли определения-прилагательного и предиката, согласно данным Национального корпуса русского языка [46]: **тоска давящая**, **давила** – по 9 употреблений в основном подкорпусе; **тоска давит** – 14 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; **тоска ноющая** – 14 употреблений в основном подкорпусе; **тоска ноет** – 3 употребления в основном, 4 в поэтическом подкорпусе; **тоска острая** – 65 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе; **тоска тупая** – 26 употреблений в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **тоска щемящая** – 46 употреблений в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **тоска щемит**, **щемила** – по 4 употребления в основном, 1 в поэтическом подкорпусе:

(6) **давящая / давит, давила**: Только изредка нападала на него тоска, невыносимая, **давящая тоска** и он отлучался из дома дня на три, на четыре (А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят. 1871); *Разумеется, я не ожидал их встретить веселыми; но та особенная давящая тоска, с заботой и беспокойством, которую я прочел в их глазах, сразу поразила меня, и я мигом заключил, что «тут, верно, не один покойник причиною»* (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875); *Душу мне давит тоска нестерпимая, Хочется дальше от этих людей...* (А.Н. Апухтин. На бале. 1860–1869); *Одна тоска давит, вторая наваливается, третья душит, дышать не дает* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960); *Дышать было тяжело, точно тяжелая тоска давила грудь* (Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда. 1909);

(7) **ноющая / ноет**: Мной, например, все большие и большие овладевают какая-то **ноющая тоска**, равнодушие ко всему, безнадежность... (Д.В. Григорович. Замшевые люди. (Заноза) 1891); *От горла к ногам струей опускалась ноющая тоска* (Н.Н. Никитин. Преступление Кирика Руденко. 1928); *Только изредка, оставаясь одна, Мария Сергеевна переставала видеть и слышать окружающее и с тихой ноющей тоской, смутно и печально представляла себе где-то далеко, там, неизвестно где одинокого брошенного человека* (М.П. Арцыбашев. Миллионы. 1912); *Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, те минуты, когда сильнее работает творческий ум, жарче кипят поэтические думы, когда в сердце живее вспыхивает страсть или сильнее ноет тоска, когда в жестокой душе невозмутимее и сильнее зреет зерно преступной мысли...* (И.А. Гончаров. Обломов. 1859); *Его ко груди прижимаю, А сердце ноет уж тоской!*

(А.Ф. Мерзляков. Разлука я любовь. 1812); *Как грудь моя ноет тоской безымянной, Мученье былым...* (А.Н. Апухтин. В полдень. 1859);

(8) **острая**: **Острая тоска** и отчаянная, беспредметная злоба переполняли его душу... (А.И. Куприн. Молох. 1896); «А картина?» – вдруг вспомнил он, и **острая тоска** сжала ему сердце, точно он уже знал, что не успеет окончить ее (М.П. Арцыбашев. У последней черты. 1910–1912); Это была **острая тоска**, такая, что сразу заполнила его всего. Он никогда не поверил бы, что **тоска** может достигать степени почти **физической боли** (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. 1943–1958); Ему стало душно и мерзко, **острая тоска** схватила его за сердце. – Ай-яй-яй! – пробормотал он, тягуче сплевывая (Ю. Казаков. Вон бежит собака! 1961); И с внезапной **острой тоскою** в сердце он понял, что не будет ему ни сна, ни покоя, ни радости, пока не пройдет этот проклятый, черный, выхваченный из циферблата час (Л.Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных. 1908);

(9) **тупая**: **Тупая тоска**, которую он испытывал в полуусыпленном состоянии, сначала только облегчала его как что-то новое, но потом она стала так же или еще более мучительна, чем откровенная боль (Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича. 1886); Возвращаясь в Дурновку, Кузьма чувствовал только одно – **тупую тоску** (И.А. Бунин. Деревня. 1909–1910);

(10) **щемящая / щемит, щемила**: Бывает час: **тоска щемящая** Сжимает сердце... Мозг – в жару... Скорбит душа... (Д. Бедный. Бывает час: тоска щемящая... 1909); Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи, Сквозь годы забвенья **щемящая** душу **тоска**... (Д.Л. Андреев. Элегия. 1923–1929); Кровь ударяет горячей волною в виски, Некуда скрыться от **острой, щемящей тоски**... (С. Черный. Кровь ударяет горячей волною в виски... 1906); Горько мне, горько завсегда, Сердце мое **тоска щемит**, С грусти без памяти бегу; Грудь по тебе моя болит... (А.П. Сумароков. Где ни гуляю, ни хожу... 1765); Он еще не мог освоиться с мыслью, что Петра не стало. **Щемила тоска** его сердце, и грустные думы шли в голову (Н.Н. Алексеев. Татарский отпрыск. 1896); Смертельная **тоска щемила** мне сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека (В.К. Арсеньев. Дерсу Узала. 1923).

Тоска представлена и как **болезнь, недуг**:

(11) Это предохранит тебя, – сказала она, – в дальних странах от лютейшей сердечной **болезни – тоски по родине!** (Ф.Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. 1819); Изрыдается душа; ум засохнет, язык к гортани прилипнет: будут его от **тоски-болезни** лечить водами и в сумасшедшем-то он побывает доме, и в тюрьме; кончит же тем, что вернется к тебе, о русское поле! (А. Белый. Серебряный голубь. 1909); Я болен сладостным **недугом** – Осенней, рдяною **тоской** (Н.А. Клюев. Александру Блоку. 1911).

Признаки тоски-болезни выступают в роли определения-прилагательного и предиката, согласно данным Национального корпуса

русского языка [46]: **тоска болезненная** – 13 употреблений в основном, 6 в поэтическом подкорпусе; **болеть тоской** – 2 употребления в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; **болит тоской** – 1 употребление в основном подкорпусе; **тоска лихорадочная** – 2 употребления в основном, 1 в поэтическом подкорпусе; **тоска смертельная** – 155 употреблений в основном, 10 в поэтическом подкорпусе; **тоска смертная** – 202 употреблений в основном, 33 в поэтическом подкорпусе; **умереть с тоски** – 9 употреблений в основном, 1 в поэтическом подкорпусе; **умирать с тоски** – 18 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе:

(12) **болезненная / болеть, болит**: С умом расчетливым, с душой неверной, зыбкой, И с этой вечною, **болезненной тоской**, И с этой мертвою, скептической улыбкой, – Вот он, наш судия, читатель дорогой!.. (Д.С. Мережковский. Семейная идиллия. 1890); Напрасно вглубь себя замкнуться я хочу, Вас, тени милые, ваш облик человеческий С **болезненной тоской** везде кругом ищу, Ищу, зову, молю... (П.Ф. Якубович. Ночные гости. 1892); Любить одно, **болеть тоской** одних сомнений, Впасть в отчаянье и страстно верить вновь! (П.Ф. Якубович. Памяти Шарля Бодлера. 1893); Ходил во тьме и думал, что за ним точно следит кто-то, враг ему, и неощутимо толкает его туда, где хуже, скучнее, показывает ему только такое, от чего душа **болит тоской** и в сердце зарождается злоба (М. Горький. Трое. 1901);

(13) **лихорадочная**: Тише!.. Я вижу в **тоске лихорадочной** – Бледные лица встают, Шепчут и пляшут толпою загадочной, Длинные песни поют (Э.И. Губер. Бессонница. 1842); Его голые руки дрожали мелкой дрожью, в расширенных глазах стояли слезы. Но принесенное вино опять его успокоило, он стал читать стихи, ушел в них, присмирел, и неизвестно было, где для него настоящая правда – в этой **лихорадочной тоске** и беспредметной подозрительности или в лирической примиренности его стихов о новой, здравеющей родине... (В.С. Чернявский. Три эпохи встреч. 1926); Отдыхавшись, Жуков торопливо зашагал, с **лихорадочной тоской** соображая, как далеко ему еще идти, какая ночь и тьма кругом и что лес, на который загадочно наемкнул ему Матвей, еще впереди (Ю. Казаков. Кабиасы. 1961);

(14) **смертельная, смертная / умереть, умерать**: Ночью, сквозь тревожный сон, меня то и дело томила **смертельная тоска**, чувство чего-то ужасного, преступного и постыдного, внезапно погубившего меня (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. 1927–1933); И душу леденит **смертельная тоска** (Г.В. Голохвастов. Наяву ль. 1903–1952); В смутном страхе больной гонит призраки прочь, И, не в силах **смертельной тоски** превозмочь, С замирающим стоном к подушке приник... (Ф.А. Червинский. Две доли. 1891); Иван Ильич понимал, что она больна душевно. Погасшего электричества было достаточно, чтобы она приткнулась где-нибудь в углу, в кресле, закрыла голову шалью и затихла в **смертельной тоске** (А.Н. Толстой. Хождение по мукам. 1928); **Смертная тоска** – вполне жизненное ощущение (А. Подводный); Страшная, **смертная тоска** охватила Василия Назарыча, и он, как сноп, с рыданиями повалился на землю (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 1883); Мне **умереть с тоски** вос-

поминанья! (В.А. Жуковский. Воспоминание. 1816); *Я умирал от неслы- ханной, смертельной тоски в этом прелестном полуденном краю, зава- ленном полуночным снегом* (В.П. Катаев. Святой колодец. 1962–1965).

Грусть – это легкое чувство, свойственное русскому народу, в отличие от тяжелого чувства тоски, по данным (<http://www.ruscorpora.ru>): *грусть* *задумчивая* – 14 употреблений в основном, 2 в поэтическом подкорпусе; *грусть* *мечтательная* – 12, *поэтическая* – 6, *элегическая* – 5 употреблений в основном подкорпусе:

(15) *задумчивая*: *Нравилась красивая задумчивая грусть в начале и бурная радость в конце, доходящая до восторга, до гимна жизни и сча- стью* (Н.Д. Телешов. Тень счастья. 1921); *О, как хорошо помню я эту за- думчивую грусть, эту сладкую медленную тоску, от которой, как от ви- на, сжималось сердце и кружилась голова* (А.И. Куприн. Пустые дачи. 1904); *И вместе с тихой, задумчивой грустью в душе Ромашова рожда- лись странные, смутные воспоминания и сожаления о никогда не бывшем счастье и о прошлых, еще более прекрасных веснах, а в сердце шевелилось неясное и сладкое предчувствие грядущей любви...* (А.И. Куприн. Поеди- нок. 1905); *С задумчивою грустью загляделся Дмитрий Прокофьевич с вершины на расстилавшийся у ног его простой, но привлекательный сель- ский вид и не то про себя, не то обращаясь к окружающим заговорил так: – Много видов перевидел я на моем долгом веку, а милее, дороже этого вот нет моему сердцу!* (В.П. Авенариус. Гоголь-студент. 1898);

(16) *мечтательная*: *Мечтательная грусть засветилась в её широко раскрытых изумленных глазах; её черные выпуклые брови шевелились, как пиявки, полная грудь высоко и порывисто, вздымалась, звякая бусами* (А.Н. Будищев. Пастух. 1897); *Теперь это не было лицо того человека, что сидел на скамейке и разговаривал со сторожем: что-то мягкое, душевное появилось на нем и придало ему оттенок тихой, мечтательной грусти* (К.С. Баранцевич. Горсточка родной земли. 1909); *И Ромашов всегда по- долгу с тихой, мечтательной грустью следил за красным фонариком, который плавно раскачивался сзади последнего вагона, уходя во мрак ночи и становясь едва заметной искоркой* (А.И. Куприн. Поединок. 1905);

(17) *поэтическая*: *Мне казалось, что вместе с этим ароматом влива- лась в мою душу весенняя грусть, сладкая и нежная, исполненная беспок- койных ожиданий и смутных предчувствий, – поэтическая грусть, дела- ющая в ваших глазах всех женщин хорошенькими и всегда приправленная неопределенными сожалениями о прошлых вёснах* (А.И. Куприн. Олесья. 1896); *И вот его потянуло побывать в последний раз на прежних местах, оживить в памяти дорогие, мучительно нежные, обвеянные такой поэ- тической грустью воспоминания детства, растравить свою душу слад- кой болью по ушедшей навеки, невозвратимой чистоте и яркости первых впечатлений жизни* (А.И. Куприн. Леночка. 1910);

(18) *элегическая*: – *Как поют! – восторгался склонный к элегической грусти поручик Григоришвили. – Во всех ротах слова кричат, а у вас – песню поют* (Б. Васильев. Были и небыли. 1988).

Концепты «грусть», «печаль» связаны с жизнью и описываются как **светлые**, согласно показателям (<http://www.ruscorpora.ru>): **грусть светлая** – 40 употреблений в основном, 6 в поэтическом подкорпусе; **печаль светлая** – 39 употреблений в основном, 11 в поэтическом подкорпусе; предикаты **светит**, **светится**, **светилась**, **светились** – по 1 употреблению в основном подкорпусе:

(19) **грусть светлая / светит, светилась**: Со временем образ ее стерся в его памяти, но стоило представить себе далеко ушедший день, как в груди поднималась **светлая грусть**, сердце щемило, и это было удивительно, потому что ничего между ними не было, только единственный поцелуй (Ю. Рытхэу. Время таяния снегов. 1967); Ему хотелось опять говорить, изливать перед кем-нибудь эту **светлую грусть**, которая сладким ядом воспоминаний бередила раны его сердца (Ф.Д. Крюков. В родных местах. 1903); Радость? Но и печаль, **светлую грусть** в них чуял Илья, и была эта грусть прекрасна (И.С. Шмелев. Непуываемая чаша. 1918); Как часто я Вдруг чувствовал (с болью – и пусть), Что самое светлое счастье Похоже на **светлую грусть** (И.В. Чиннов. И наше в ручье отражение... 1959); А он... чем больше он глядел на нее, тем больше его сердце заволакивалось мягкой и **светлой грустью** – сострадательной к себе, радостной к ней, к этой новой Леночке, и тихой благодарностью к прежней (А.И. Куприн. Леночка. 1910); Отчего это кажется, что затаенная **грусть светит** в глазах ее светлой сестры, а та, в свою очередь, розовым покрывалом надежды веет над печальным изгибом прекрасных девических плеч? (И.А. Новиков. Золотые кресты. 1907); То краска выступала на лицо, то в глазах **светилась грусть**, а в то же время в крови жар, в голове туман; прохладный воздух душен для него (Н.Г. Помяловский. Мещанское счастье. 1860);

(20) **печаль светлая / светит, светится, светилась**: Когда пьешь сакэ таким образом, полагается думать о мужах древности, а потом мысли эти должны постепенно перетечь в **светлую печаль**, которая рождается в вашем сердце, когда вы одновременно осознаете зыбкость этого мира и захвачены его красотой (В. Пелевин. Чапаев и пустота. 1996); Сердце Александра вдруг сжалось от **светлой печали**, от неловкого стыда, от тихого раскаяния... (А.И. Куприн. Юнкера. 1932); Всю ночь он думал о Ткачеве и Марье Николаевне, и душа его была полна **светлой печалью** (М.П. Арцыбашев. Смерть Ланде. 1904); **Печаль светит** тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днем, рождает думы о близких, тоску по любви, мечты о чем-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе притягательном будущем (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974); Изредка он замечал, что в зеленоватых глазах ее **светится печаль** и недоумевающее ожидание (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1928); Мудрая **печаль светилась** в ее больших глазах, невыносимая для земного человека, с рождения воспитанного для борьбы против страдания (И.А. Ефремов. Час быка. 1968–1969).

Грусть и *печаль* обладают высокой температурой при жизни, по сведениям (<http://www.ruscorpora.ru>): *грусть горячая, теплая* – 2 и 5 употреблений в основном, по 1 в поэтическом подкорпусе; *печаль жаркая* – 2 употребления в основном подкорпусе; предикаты *теплишь, теплит, теплят* – по 1 употреблению в поэтическом подкорпусе:

(21) *грусть горячая, теплая / теплишь, теплит, теплят*: *А деревья в саду шептались у нее над головой, ночь разгоралась огнями в синем небе и разливалась по земле синюю тьмой, и, вместе с тем, в душу молодой женщины лилась горячая грусть от Иохимовых песен* (В.Г. Короленко. Слепой музыкант. 1886–1898); *И радость меж нею и мной родилась, Безмерна, светла, как бездонность; Со сладко-горячею грустью сплелась, И стало ей имя – влюбленность* (З.Н. Гиппиус. Баллада. 1903); *Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката* (М. Горький. Дачники. 1904); *Она оживала при этих доказательствах его любви; румянец возвращался к ее щекам; принуждение и оцепенение тоски сменялись в ней теплою грустью, она заплакала...* (Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. 1851); *Серебристая дорога, Грусть ты или радость теплишь?* (С.А. Есенин. Серебристая дорога... 1917); *В три звезды березняк над прудом Теплит матери старой грусть* (С.А. Есенин. Я покинул родимый дом... 1918); *В небе звезды, словно свечи, Смутно теплят грусть свою* (А.А. Прокофьев. Я хожу, крушусь, радею –... 1933);

(22) *печаль жаркая*: *Боже! – думал я, глядя на него, – пять лет всеиспользующего времени – старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов, – и такая долгая, такая жаркая печаль!* (Н.В. Гоголь. Старосветские помещики. 1835–1841).

Концепты «печаль», «тоска» имеют низкую температуру и отмечаются как *холодные*: *печаль холодная* – 5 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе; *тоска холодная* – 12 употреблений в основном, 8 в поэтическом подкорпусе; предикат *холодит* употребляется 2 раза в основном, 1 раз в поэтическом подкорпусе:

(23) *печаль холодная*: *Мне жаль всего, мой милый Друг, Всего и всех мне жаль, – Такая всюду разлита Холодная печаль* (Д.М. Ратгауз. Мне жаль всего. 1902); *Не долго, помню я, в печальной стороне Печаль холодную вливали в душу мне* (Е.А. Баратынский. Н.И. Гнедичу. 1823–1827); *Потом прислушалась к его дыханию, оглянулась, просидела несколько минут неподвижно, охваченная холодной печалью, и задремала* (М. Горький. Мать. 1906); *Евсей вздрогнул, стиснутый холодной печалью, шагнул к двери и вопросительно остановил круглые глаза на жёлтом лице хозяина* (М. Горький. Жизнь ненужного человека. 1908);

(24) *тоска холодная / холодит*: *И чувства мрут в груди, напрасно грудь волнуя, И на душе холодная тоска: Богатство духа познаю я И бед-*

ность языка!.. (Н.Ф. Щербина. Музыка. 1844); *Холодная тоска* Со дна души встает, Как серый, злой туман В дни осени с болот (П.Ф. Якубович. Сны. 1907); *Любовин снял очки, отодвинул от себя тетрадь и глубоко задумался. Пот прошибал его, внутри его что-то тянуло, и холодная тоска* вползала в самое сердце (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922); *Потом с внешним спокойствием отложил записку в стопону, почувствовал, что забнет и, охваченный новой волной мятущейся холодной тоски,* понял, что в Лидино больше не поедет (М. Барсуков. Нерассказанная любовь. 1928); *На роскошь изнеженной южной природы Глядел я с холодной тоской, И город богатства, тицеславья и моды* Казался мне душной тюрьмой... (С.Я. Надсон. На могиле А.И. Герцена. 1885–1886); *И только дома он вспомнил о том, что обязан предать этих весёлых людей в руки жандармов, вспомнил и, охваченный холодной тоской,* бессмысленно остановился среди комнаты (М. Горький. Жизнь ненужного человека. 1908); *И большая тоска холодит сердечко бедной «снежной королевы»* (Л.А. Чарская. Два сочельника. 1912).

Сильная тяжелая печаль может переходить в тоску и быть **черной**: **печаль черная** – 9 употреблений в основном, 3 в поэтическом подкорпусе:

(25) **Черная печаль** омрачила прекрасные черты его, он не находил ни одного: не ехать по требованию суда – невозможно, особенно после Якубова предостережения; это могли приписать страху!.. (Н.А. Дурова. Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора. 1841); **Святая черная печаль** огромных глаз Марка заструилась вдруг почти ощутимой струей (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. 1935); **К. М. дышал с трудом, ощущая тяжелую черную печаль на сердце, и силился освободиться, вырваться, оттолкнуть** (И. Адамацкий. Утешитель. 2001).

Только концепты «печаль» и «горе» описываются как **всесветные** и **вселенские**, переживания, охватывающие весь мир, по данным (<http://www.ruscorpora.ru>): **печаль всесветная** – по 1 употреблению в основном и поэтическом подкорпусе; **горе вселенское** – 5 употреблений в основном, 1 в поэтическом подкорпусе:

(26) **печаль всесветная**: Болит моя головушка, Щемит в груди ретивое, **Печаль моя всесветная**, Пришла беда незваная (А.В. Кольцов. Пора любви. 1837); *И весь на опоздках сохранившийся убор густо полетит-заметлит крупным пестряным сеевом, обнажая всесветную чуткую печаль* (В. Распутин. Видение. 1997);

(27) **горе вселенское**: Старость – это вселенское горе (Д.С. Самойлов. Что за жалкие эти уловки... 1980).

Горе овладевает всем человечеством, выступает как: **горе людское** – 75 употреблений в основном, 23 в поэтическом подкорпусе; **горе народное** – 83 употребления в основном, 9 в поэтическом подкорпусе; **горе человеческое** – 125 употреблений в основном, 8 в поэтическом подкорпусе:

(28) **людское**: **Горе людское** остановилось страданьем в серых озерах глаз (Д.А. Фурманов. Чапаев. 1923); *Я шла сквозь хмурое людское горе* –

пожарища, развалины, гробы... (О.Ф. Берггольц. Дорога на фронт. 1942); **Людское горе** в обнажение, Без погремушек и прикрас, Последнее преображение, Однообразнейший рассказ (В.Т. Шаламов. Пусть я, взрослея и старея... 1937–1956); Мужа уводят, сына уводят В царство глухое, И на звериный рык переводят **Горе людское** (С.И. Липкин. Одна моя знакомая. 1960); Я мечтал Дробить **людское горе** на куски, Чтоб с каждой строчкой в небо улетал Хотя б осколок чьей-нибудь тоски (К.М. Симонов. Отец. 1966); Трудно нам живется, Трудно плывется По глухому морю, По **людскому горю** (Д.С. Самойлов. Марина, Марина... 1947);

(29) **народное**: Но с мирной природою в споре, Как грозного времени тень, Чернеет **народное горе** Спаленных войной деревень (И.П. Уткин. Пейзаж. 1943); Им было страшно глядеть в потемневшее лицо России – в последнюю минуту, перед тем как, перелившись из сердца в сжатые кулаки, станет революцией **народное горе** (Л.М. Леонов. Русский лес. 1950–1953);

(30) **человеческое**: Он знает тысячи историй Про **человеческое горе**, И по заборам стынута зори, И тянут эту канитель (Б.Л. Пастернак. Земля. 1947); К тому времени я уже насмотрелся на **человеческое горе** и заметил, что люди почти всегда стараются смягчить его (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность. 1954); Партия моя, скажи мне! Как ты вычерпаешь, комсомол, Бездну **человеческого горя?** (М.А. Светлов. Трибунал. 1958); Сейчас нет меры страдания в этом мире, – Витаркананда показал на хребет, заслонивший долину Инда, и сложил обе руки чашей, – если бы я зачерпнул чувства живущих в той долине людей, то поднял бы к небу полную чашу **человеческого горя** (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы. 1959–1963).

Семантические константы и исходные концептумы

На основе описанных групп признаков выделим **семантические константы** рассмотренных эмоциональных концептов. Рис. 1 читается следующим образом: *Тоска* – это тревога, беспокойство, чувство стеснения духа, связанное с жизнью или мечтой о вечности, и чувство удушья, которое нередко доводит до смерти.

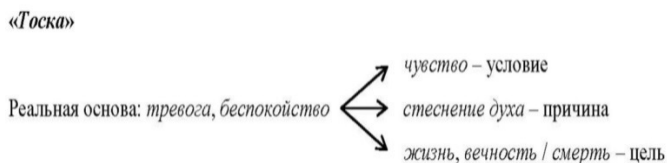

Рис. 1. Семантическая константа концепта «тоска»

Рис. 2 представляет: *Грусть* – это легкое уныние, печаль, типично русское переживание, представляющее личное чувство в жизни, настоящем.

«Грусть»

Рис. 2. Семантическая константа концепта «грусть»

Рис. 3 декларирует: *Печаль – это забота души с переходом в тоску, сожаление души и сердца по поводу возникновения беды, несчастья в жизни, которые не приводят к смерти.*

«Печаль»

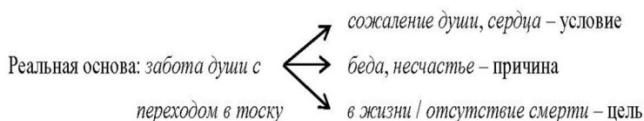

Рис. 3. Семантическая константа концепта «печаль»

Рис. 4 прочитывается так: *Горе – это душевное страдание, вселенское переживание беды, несчастья, связанное с вечностью.*

«Горе»

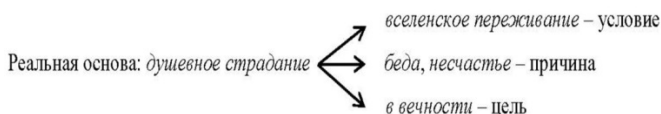

Рис. 4. Семантическая константа концепта «горе»

Таким образом, целью эмоциональных концептов является признак времени: связь с жизнью отмечается у *грусти* и *печали*, а связь с вечностью – у *тоски* и *горя*. Условие действия – проявление различных чувств и переживаний. Причинами выступают как личное чувство у *грусти* и стеснение духа у *тоски*, так и беда, несчастье у *печали* и *горя*.

По этимологическому словарю И.И. Срезневского [50–52] определим последовательность сем каждого слова, для того чтобы выделить исходные концептумы.

Тоска: общесл. *тѣска* от индоевроп. основы 'осушать, опорожнять'; др.-рус. *тѣска* 'стеснение, притеснение; горе, печаль; волнение, беспокойство' (XII в.) [52. Т. 3. С. 1057].

Грусть: общесл. *грусть* 'отвращение, сокрушение' от *грудити* 'грызть, мучить'; др.-рус. *грустость* – 'горе, бедствие' (XI в.), *согруститися* – 'опечалиться' (XII в.), *грусткий* – 'печальный' (1377), *согрущатися* – 'печалиться, грустить' (XVI в.) [50. Т. 1. С. 600–601].

Печаль: общесл. *печаль* от *пеку*, *печи* из индоевроп. основы 'жарить, печь'; др.-рус. *печаль* 'огорчение, горе' (XI в.); 'забота' (XII в.), *печально-*

вати – ‘горевать, печалиться’ (XI в.), *печальный* – ‘огорченный, скорбящий; удрученный, досадующий; тревожный, беспокойный; неприятный, тягостный’ (XI в.), *печалити* – ‘огорчать, печалить’ (XI в.), *печаливый* – ‘унывающий, склонный к грусти’ (XI в.), *печаловати* – ‘быть печальным’ (XI в.); ‘заботиться’ (1340), *печаловатися* – ‘быть печальным, горевать, сокрушаться’ (1076); ‘заботиться’ (1390), *печалование* – ‘забота, попечение’ (1455), *печа* – ‘попечение’ (1493) [51. Т. 2. С. 921–924].

Горе: общесл. *горе* от *gorje* ‘беда, мука, печаль, скорбь’ (XI в.), *горесть* – ‘горе’ (XI в.); ‘горечь’ (XIV в.) [50. Т. 1. С. 554].

Семантические константы рассмотренных эмоциональных концептов, данные этимологического исследования позволили определить **исходные концептумы** – *постоянные признаки концептов*: «тоска» – стеснение духа, волнение и беспокойство; «грусть» – сокрушение, печаль; «печаль» – забота, попечение; «горе» – беда, несчастье. Таким образом, постоянными признаками эмоциональных концептов являются различная степень глубины, характера проявления душевного страдания человека, что сохраняется в признаках переносных значений и в истории развития слов.

Заключение

Использованная нами в данной статье методика санкт-петербургской школы концептуальных исследований В.В. Колесова позволила реконструировать семантические константы – выявить специфику признаков каждого из эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе», входящих в класс психических (духовных) концептов, связанных общностью эмоции переживания страдания в русском языковом сознании.

На первом этапе выделены основные семы, определены верхние точки концептуального квадрата: понятие причины и образ условия; представлена классификация семантических групп признаков: типичные, символические, глубинные, интенсивные и длительные; воссоздано содержание понятия, его объем путем рассмотрения определений-прилагательных и предикатов на материале Словаря эпитетов русского литературного языка и классических текстов подкорпусов Национального корпуса русского языка.

На втором этапе построены семантические константы эмоциональных концептов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» в виде условия, причины и цели посредством результатов сети семантических отношений:

Тоска – это тревога, беспокойство (реальная основа), чувство (условие) стеснения духа (причина), связанное с жизнью или мечтой о вечности, и чувство удушья, которое нередко доводит до смерти (цель).

Грусть – это легкое уныние, печаль (реальная основа), типично русское переживание (условие), представляющее личное чувство (причина) в жизни, настоящем (цель).

Печаль – это забота души с переходом в тоску (реальная основа), сожаление души и сердца (условие) по поводу возникновения беды, несчастья (причина) в жизни, которые не приводят к смерти (цель).

Горе – это душевное страдание (реальная основа), вселенское переживание (условие) беды, несчастья (причина), связанное с вечностью (цель).

На третьем этапе этимологическое исследование способствовало конструированию концептума – выделению постоянных признаков концептов: «тоска» – стеснение духа, волнение и беспокойство; «грусть» – сокрушение, печаль; «печаль» – забота, попечение; «горе» – беда, несчастье.

Данные исследования позволяют сделать вывод о динамике проявления душевного страдания русского человека, степени, глубине и характере эмоций. Описание эмоциональных концептов демонстрирует последовательное развитие эмоции: от типично русского переживания легкой грусти и печали, переходящей в тоску, до вселенского горя, причиной которого являются беда и несчастье, что отмечается в отличительных признаках и в истории развития слов.

Список источников

1. Базылев В.Н. Горе: к языковой форме концепта в русской культуре // Семантика и прагматика языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.В. Артюшкова. Уфа, 1999. С. 161–171.
2. Валиева Р.М. О репрезентации эмоциональных концептов в русском языке // Теория поля в современном языкознании : межвузовский научный сборник. Уфа, 2002. С. 67–71.
3. Василова А.Ш. Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в лексикодеривационных структурах татарского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 3. С. 48–50.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 33–37.
5. Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999. С. 503–525.
6. Вертелова И.Ю. Семантические истоки идеи грусти, печали и кручины в русском языковом сознании // Слово в тексте, словаре и культуре: сборник статей / под ред. Н.Г. Бабенко. Калининград, 2004. С. 228–236.
7. Волостных И.А. Антропоморфная метафора как основной способ экспликации эмоциональных концептов «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12, № 2. С. 534–537.
8. Димитрова Е.В. Тоска // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 268–273.
9. Заяц И.Г. Особенности вербализации эмоционального концепта «горе» в средневерхненемецкий период // Исследовано в России : электрон. научн. журн. 2006. С. 959–968. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2006/101.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).
10. Колесова Д.В. Грусть-тоска, или модель для сборки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4, № 1. С. 75–85.
11. Красавский Н.А. Русская и немецкая концептосферы эмоций // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 113–118.
12. Мальцева Л.В. Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.П. Магхановой. Новосибирск, 2004. С. 260–270.

13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 237–241.
14. Пименов Е.А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда // Ethnohermeneutik und Antropologie / ed. by E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau : Verlag Empirische Padagogik, 2004. S. 89–94.
15. Старостина С.А. Эмоциональный концепт «тоска» в современных филологических теориях // Проблемы дискурсивного анализа: сборник научных трудов молодых филологов / под ред. Р.П. Козлова, Н.Л. Потанина. Тамбов, 2008. С. 224–227.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
17. Стефанский Е.Е. Русские концепты «печаль», «грусть» и «тоска» на фоне польской и чешской лингвокультур // Przegląd Wschodnioeuropejski 2 / ed. by A. Kikiewicz. Olsztyn : Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2011. S. 329–345.
18. Топорков А.Л. «Лежит доска, на ней тоска»: тоска в любовных заговорах // Русская речь. 2015. № 3. С. 114–120.
19. Урысон Е.В. Тоска // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общим руководством Ю.Д. Апресяна. М., 2003. С. 1165–1170.
20. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : URSS, 2008. 208 с.
21. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
22. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей / под ред. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева. М., 2005. С. 25–36.
23. Шмугурова К.В. Концепт «тоска» в поэтической картине мира И.Ф. Анненского // Русская речевая культура и текст : материалы VI Международной научной конференции (25–27 марта 2010 г. / под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2010. С. 216–222.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : РУДН, 1997. 331 с.
25. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград : ВолГУ, 2007. 400 с.
26. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
27. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
28. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 1999. 382 с.
29. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис, 2001. 270 с.
30. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. Т. 1–2. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с.
31. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. Т. 1–2. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
32. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019. С. 723–729.
33. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–В. М., 1866. 680 с.
34. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. Т. 4: С–Я. М. : Русский язык, 1988. 800 с.
35. Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка. М. : Русский язык : Медиа, 2005. 1228 с.
36. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1963. 1286 с.
37. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 4824 с.
38. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1989. 924 с.

39. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1954. 1339 с.
40. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
41. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. М., 1863. 627 с.
42. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. М. ; Л. : Наука, АН СССР, 1959. 1482 с.
43. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 3: П–Р. М. : Русский язык, 1987. 752 с.
44. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П. М., 1865. 508 с.
45. *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб. : Норинт, 2002. 224 с.
46. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.03.2020).
47. National English Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (дата обращения: 31.01.2021).
48. Deutscher National korpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (дата обращения: 31.01.2021).
49. Corpus national français. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-fr.html> (дата обращения: 31.01.2021).
50. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А–К. СПб., 1893. 1420 с.
51. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб. : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1902. 1802 с.
52. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я. СПб., 1912. 1684 с.

References

1. Bazylev, V.N. (1999) Gore: k yazykovoy forme kontsepta v russkoy kul'ture [Grief: To the linguistic form of the concept in Russian culture]. In: Artyushkov, I.V. (ed.) *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits* [Semantics and Pragmatics of Language Units]. Ufa: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute. pp. 161–171.
2. Valieva, R.M. (2002) O reprezentatsii emotsional'nykh kontseptov v russkom yazyke [On the representation of emotional concepts in the Russian language]. In: *Teoriya polya v sovremennoy yazykoznanii* [Field theory in modern linguistics]. Ufa: Bashkir State University. pp. 67–71.
3. Vasilova, A.Sh. (2007) Lingvokul'turnyy kontsept “sagysh” (toska) v leksiko-derivatsionnykh strukturakh tatarskogo yazyka [Linguistic and cultural concept “sagysh” (anguish) in the lexical-derivative structures of the Tatar language]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 3. pp. 48–50.
4. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. pp. 33–37.
5. Wierzbicka, A. (1999) “Grust” i “gnev” v russkom yazyke: neuniversal'nost' tak nazyvaemykh “bazovykh chelovecheskikh emotsiy” [“Sadness” and “anger” in the Russian language: the non-universality of the so-called “basic human emotions”]. In: Bulygina, T.V. (ed.) *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 503–525.
6. Vertelova, I.Yu. (2004) Semanticheskie istoki idei grusti, pechali i kruchiny v russkom yazykovom soznanii [Semantic origins of the idea of sadness, sorrow and grief in the Russian linguistic consciousness]. In: Babenko, N.G. (ed.) *Slovo v tekste, slovar'e i kul'ture* [Word in the Text, Dictionary and culture]. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 228–236.
7. Volostnykh, I.A. (2006) Anthropomorphic metaphor as the main way of explication of emotional concepts “fear” and “sorrow” in Russian and French linguistic world pictures. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Transactions of TSTU*. 2 (12). pp. 534–537. (In Russian).

8. Dimitrova, E.V. (2005) Toska [Anguish]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 268–273.
9. Zayats, I.G. (2006) Osobennosti verbalizatsii emotsional'nogo kontsepta "gore" v sredneverkhnenemetskiy period [Features of the verbalization of the emotional concept "grief" in the Middle High German period]. *Issledovano v Rossii*. pp. 959–968. [Online] Available from: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2006/101.pdf> (Accessed: 28.11.2019).
10. Kolesova, D.V. (2007) Heartsinking and sorrow, or a model kit. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 4-1. pp. 75–85. (In Russian).
11. Krasavskiy, N.A. (2001) Russkaya i nemetskaya kontseptosfery emotsiy [Russian and German concept spheres of emotions]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 113–118.
12. Mal'tseva, L.V. (2004) Interpretatsiya kontsepta "gore" v russkoy yazykovoy kartine mira [Interpretation of the concept "grief" in the Russian language picture of the world]. In: Matkhanova, I.P. (ed.) *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: interpretatsionnyye i tipy interpretatsiy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of interpretative linguistics: interpreters and types of interpretations: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 260–270.
13. Maslova, V.A. (2006) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 237–241.
14. Pimenov, E.A. (2004) Issledovanie kontsepta Trauer "pechal'" posredstvom sinonimicheskogo ryada [Study of the Trauer concept "sadness" through a synonymic series]. In: Pimenov, E.A. & Pimenova, M.V. (eds) *Ethnohermeneutik und Antropologie*. Landau: Verlag Empirische Padagogik. pp. 89–94.
15. Starostina, S.A. (2008) Emotsional'nyy kontsept "toska" v sovremennykh filologicheskikh teoriyakh [The emotional concept "anguish" in modern philological theories]. In: Kozlov, R.P. & Potanina, N.L. (eds) *Problemy diskursivnogo analiza: sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov* [Problems of discursive analysis: a collection of scientific works of young philologists]. Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 224–227.
16. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. A Study]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Stefanskiy, E.E. (2011) Russkie kontsepty "pechal'", "grust'" i "toska" na fone pol'skoy i cheskskoy lingvokul'tur [Russian concepts "sorrow", "sadness" and "anguish" on the background of Polish and Czech linguistic cultures]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2. pp. 329–345.
18. Toporkov, A.L. (2015) "Lezhit doska, na ney toska": toska v lyubovnykh zagovorakh ["There is a board, anguish is on it": longing in love conspiracies]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 3. pp. 114–120.
19. Uryson, E.V. (2003) Toska [Anguish]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 1165–1170.
20. Shakhovskiy, V.I. (2008) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Moscow: URSS.
21. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian Language and Extralinguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
22. Shmelev, A.D. (2005) Leksicheskiy sostav russkogo yazyka kak otrazhenie "russkoy dushi" [The lexical composition of the Russian language as a reflection of the "Russian soul"]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (eds) *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 25–36.

23. Shmugurova, K.V. (2010) [The concept “anguish” in the poetic picture of the world I.F. Annensky]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian speech culture and text]. Proceedings of the 6th International Conference. Tomsk. 25–27 March 2010. Tomsk: TsNTI. pp. 216–222. (In Russian).
24. Vorob'ev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow: RUDN.
25. Vorkachev, S.G. (2007) *Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya* [Linguistic and Cultural Concept: Typology and areas of existence]. Volgograd: Volgograd State University.
26. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechey s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
27. Boldyrev, N.N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: Derzhavin Tambov State University.
28. Zalevskaya, A.A. (1999) *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
29. Krasnykh, V.V. (2001) *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow: Gnozis.
30. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 1. Saint Petersburg: Zlatoust.
31. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 2. Saint Petersburg: Zlatoust.
32. Kolesov, V.V. (2019) *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. Saint Petersburg: Zlatoust. pp. 723–729.
33. Dal', V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.
34. Evgen'eva, A.P. (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Tikhonov, A.N. (2005) *Kompleksnyy slovar' russkogo yazyka* [Complex Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk; Media.
36. Chernyshev, V.I. (ed.) (1963) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: Nauka; USSR AS.
37. Ushakov, D.N. (2005) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Al'ta-Print.
38. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1989) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
39. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1954) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Nauka, USSR AS.
40. Evgen'eva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
41. Dal', V.I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.
42. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1959) *BAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [BAS – Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: Nauka, USSR AS.

43. Evgen'eva, A.P. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

44. Dal', V.I. (1865) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Izdanie obshchestva lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.

45. Gorbachevich, K.S. (2002) *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]. Saint Petersburg: Norint.

46. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 06.03.2020). (In Russian).

47. *National English Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (Accessed: 31.01.2021).

48. *Deutscher Nationalkorps*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (Accessed: 31.01.2021).

49. *Corpus national français*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-fr.html> (Accessed: 31.01.2021).

50. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

51. Sreznevskiy, I.I. (1902) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

52. Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 3. Saint Petersburg: Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.

Информация об авторах:

Мусатаева М.Ш. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: mussatayeva@mail.ru

Котлярова И.В. – докторант, PhD кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: kotlyarova_1984@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.Sh. Mussatayeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: mussatayeva@mail.ru

I.V. Kotlyarova, PhD (Philology), doctoral student, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: kotlyarova_1984@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2020;
одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 11.03.2020;
approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*